

Концептуальный анализ

Conceptual Analysis / Die konzeptionelle Analyse

УДК 1:005.9(327:323.2:316: 378)

Расторгуев В.Н.

Компетентность в политике и компетентное гражданское общество, возможности академической демократии

В основу статьи положен текст доклада, прочитанного на Ломоносовских чтениях 2013 г. (Совместный «круглый стол» кафедры философии политики и права Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и Института философии РАН «Государство и гражданское общество: традиции и философские исследования»).

Расторгуев Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии политики и права Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: rv1812@yandex.ru

Предметом данного исследования является становление мирового гражданского общества в условиях глобализации и его превращение в одного из ведущих акторов мировой политики. Этот процесс вызывает повышенный интерес со стороны политиков и традиционных «центров власти», теряющих монополию на принятие судьбоносных решений. В статье раскрываются противоречия между «наднациональными» и национальными институтами гражданского общества. Особое внимание обращено на уровень компетентности гражданского общества, а также на защиту институтов академической демократии и компетентность государственных структур.

Ключевые слова: научная и политическая компетентность, компетенция, аналитика, эксперт, экспертиза, социальная технология, академическая демократия, границы времени и пространства.

Становление мирового гражданского общества в условиях глобализации и его превращение в одного из ведущих акторов мировой политики вызывает повышенный и напряженный интерес со стороны политиков и традиционных «центров власти», теряющих монополию на принятие судьбоносных решений. Здесь же скрыты истоки озабоченности как со стороны граждан, включенных в политическую жизнь, но принужденных делегировать новоявленным структурам гражданского общества часть своих прав, так и со стороны экспертного сообщества. Назовем только две причины такой озабоченности, хотя их намного больше. Во-первых, возникают и обостряются противоречия между «наднациональными» и национальными институтами гражданского общества. За этими противоречиями стоят проблемы более глубокие: в первую очередь речь идет о конфронтации между миром цивилизационного многообразия, где самобытность рассматривается как ключевая ценность, и моноцивилизационной моделью развития — внутренне унифицированной и унифицирующей всё и вся на своём пути. Кроме того (вторая причина озабоченности), уровень компетентности гражданского общества во всех его проявлениях, как, впрочем, и уровень компетентности государственных и межгосударственных структур, далеко не всегда

РАСТОРГУЕВ В.Н. КОМПЕТЕНТНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ И КОМПЕТЕНТНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ВОЗМОЖНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

соответствует требованиям времени. Но прежде всего он явно не соответствует степени сложности решаемых проблем, в том числе глобальных, и той ответственности, которая деперсонифицируется, а потому на порядки снижается при расширении, а тем более при многократном умножении (!) реальных участников политического процесса.

Внутренние противоречия порождают две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, мы наблюдаем заметную примитивизацию мировой политики, граничащую с архаизацией и даже «одичанием», но не имеющую ничего общего с упрощением механизмов осуществления власти, а с другой стороны, рост наукоемкости принимаемых политических решений на международном, национальном и субнациональном уровнях. Вторая тенденция отчасти обусловлена и даже подпитывается первой, поскольку в процессе архаизации и усложнения межэтнических и межцивилизационных контактов возникают совершенно новые проблемы. Именно они требуют для своего осмысления и решения создания совершенно новых теорий, обновления методов исследования и категориального аппарата, а по сути — новой социальной инженерии, которая, как известно со времен К. Поппера, является самой наукоёмкой областью политической деятельности.

Об архаизации политики почти во всех её формах и проявлениях говорит множество фактов — от сверхконцентрации реальной наднациональной власти, в первую очередь ресурсной и финансовой, в руках узкого круга семей и родовых кланов до культурного и языкового «одичания» населения ряда западных мегаполисов в результате неконтролируемой многомиллионной миграции. «Одичание» проявляется в разрушении не только единого культурного и языкового поля, но и правового пространства, в частности, в далеко не мирном, но параллельном сосуществовании традиционной правовой системы и законов шариата в ряде западных столиц.

О том же свидетельствует возвращение, по сути, к пещерному сознанию, но уже не с пращей в руках, а с оружием «судного дня»: обращение к культуре грубой военной силы как основному инструменту политического действия, к формам прямой и «дистанционной» агрессии. Последняя форма в современных военных доктринах всё чаще определяется как допустимое и даже «щадящее» наказание реального или потенциального противника, хотя подобная практика почти повторяет опыт «цивилизаторов» по безопасной для них ликвидации «дикарей» (аборигенов) в процессе расширения жизненного пространства» путем забрасывания зачищаемой местности, к примеру, «чумными трупами». А с точки зрения разрушительного потенциала это оружие даже превосходит «оружие судного дня». Дело в том, что оно позволяет агрессору остаться неопознанным и уйти от ответственности или переложить её на «назначенного» врага — мировой терроризм, к примеру. К сказанному следует добавить, и это особенно важно, что дистанционное оружие делает возможным нанесение безупречно точных и непоправимых ударов по болевым точкам сверхсложных природных и технических систем, «многослойных» инфраструктур, спровоцировав тем самым в принципе не локализуемые региональные или глобальные катастрофы техногенного или иного характера [Расторгуев 2011].

Проявления дикости в международных отношениях превратились в норму и стали безнаказанными после крушения биполярной системы в результате отказа от гарантий коллективной безопасности, на чём, собственно, и построена «однополярная» модель политического устройства, для определения которого подойдет формула: «без гарантий, но с гарантом». В повседневную практику возвращаются, хотя и на новой технологической, идейно-доктринальной и правовой базе, тотальная слежка и пытки, работорговля в её старых и новых модификациях, пиратство, неоканнибализм (преимущественно в отдельных направлениях фармацевтики и трансплантологии) и многое другое. Ничего не мешает сделать вывод и о более масштабном феномене — об архаизации западной цивилизации в целом, которая, по словам А.С. Панарина, не только «возвращается к идеологемам и стереотипам прошлого века» [Философия истории...1999, с. 55], когда Запад был «неоспоримым гегемоном мира», но и к средневековым образцам — «спекулятивно-ростовщическому и военно-экспроприаторскому»¹.

¹ Последствия такой архаизации — не возвращение к культурным и духовным истокам, а их умерщвление. Сама эта тенденция (возвращение к средневековым образцам) развивается на фоне принудительной дехристианизации Западного мира, что равноценно не только размыванию его цивилизационных основ, но и культивированию чужеродных цивилизационных моделей.

О высокой наукоемкости как о господствующей тенденции, которая удивительным образом «накладывается» на общую архаизацию, также свидетельствует множество неоспоримых фактов. И речь идет не только о деструктивных трендах, например, о том, что связано с новыми технологиями управления мировыми ресурсами с целью их передела или инструментарием обеспечения коллективной, но выборочной безопасности. Позитивным примером может служить и резкое возрастание роли политической логистики, под которой мы понимаем, прежде всего, оптимизацию и синхронизацию управления сверхсложными системами, в том числе всё теми же «многослойными» и многофункциональными инфраструктурами в рамках отраслевых политик — атомной и оборонной, экономической и энергетической, экологической и социальной и далее по списку.

Эта тема крайне слабо освещена в политической науке, хотя именно здесь обнаруживается возможность сближения политической теории и практики, поскольку каждая из отраслевых политик остро нуждается в собственной политиче-

РАСТОРГУЕВ В.Н. КОМПЕТЕНТНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ И КОМПЕТЕНТНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ВОЗМОЖНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

ской аналитике и выработке долгосрочной стратегии, учитывающей общие тенденции социально-экономического, научно-технологического и политического развития в контексте глобализации. Отраслевые политики имеют четко выраженное глобальное измерение и «локальную прописку» в конкретных регионах, что само по себе предполагает повышенный интерес к «научному обслуживанию» политики и, в частности, к новым применениям логистики. О том же свидетельствует и многократное увеличение затрат на научно-аналитическое сопровождение большей части проектов в сфере национальной и мировой политики и в каждой из институционализированных отраслей политической деятельности, а также повышение статуса мирового научного и экспертного сообщества как важнейшего звена компетентного гражданского общества и одновременно арбитра в разрешении политических противоречий.

Само это соединение, казалось бы, совершенно несоединимых ролевых функций — арбитра, эксперта и одновременно «нанятого слуги» — изменяет наше представление и о компетентности, т.е. о системе требований к профессиональным качествам, знаниям и навыкам, и о компетенции. Под компетенцией в данном случае понимается набор обязанностей и прав, статусных полномочий и ролевых функций, «прилагаемых» к той или иной должности независимо от того, кто её занимает — компетентный специалист (компетентный в профильной области) или «универсальный менеджер». Такое «слияние неслиянного» характерно как для научного и экспертного сообщества, вовлеченного в деятельность политических структур и институтов, так и для самих политиков, многие из которых по «долгу службы» всё чаще выполняют и функции экспертов, аналитиков, а в ряде случаев и «теоретиков-концептологов». Последнее как раз и отражает повышение статуса «отраслевых политик», где востребованы долгосрочное политическое планирование и стратегическое прогнозирование, включенное в процесс планирования и позволяющее просчитать альтернативные сценарии, снижающие риски.

Всё это требует внести некоторые коррективы в представление о «пирамиде власти», где компетенции (право принимать решения) традиционно повышаются по мере служебного роста и «этажности» власти, тогда как компетентность (знания, необходимые для подготовки оптимальных решений) концентрируются преимущественно на нижних ступенях «пирамиды» — в кругу не «должностных», а приглашенных экспертов. Именно к этому «нижнему» разряду относят наиболее ценных, но наименее влиятельных в политике экспертов из числа ведущих ученых. само их приглашение к сотрудничеству зачастую носит чисто символический характер и призвано легитимировать политически е решения, поскольку научная легитимация давно стала одним из инструментов политической.

Укрепление позиций «отраслевиков» в национальной и международной политике делают более размытыми различия между компетентностью и компетенцией на всех этажах власти, что призвано снизить риски политической ошибки. Правда, все эти коррективы пока не имеют прямого отношения к отечественной политике. Об этом свидетельствуют «революционные» изменения в законодательстве, регулирующем деятельность академического, вузовского и отраслевого секторов науки, проводимые не только без консультаций с научным сообществом, но даже и без непосредственного участия профильных структур законодательной и исполнительной власти, и без обязательного указания «авторства» новаций.

Оборотная сторона ставки на политическую логистику и сращивание компетенции и компетентности — процесс десакрализации политики, из которой целенаправленно «вымываются» высшие смыслы, что лишь усиливается по мере повышения роли технологий, в том числе политических и социальных, а также возможностей тотального контроля и манипулирования. Парадокс заключается и в том, что «технологизация», граничащая с полным «обессмысливанием» деятельности и с оглушением её носителей, контрастирует с призывами, возможно искренними, к проведению умной политики, которые исходят чаще всего именно от тех публичных политиков, деятельность которых вызывает наибольшее разочарование. Данная тенденция становится еще более заметной на фоне, казалось бы, прямо противоположных трендов.

Раскрывая проблему использования гражданского общества в сугубо политических целях, остановимся на трех её аспектах. Особый интерес представляет, во-первых, инструментальный характер теоретических построений, призванных не только объяснить природу гражданского общества, но и оправдать тот или иной политический курс, во-вторых, описание самого феномена становления компетентного гражданского общества, важнейшей частью которого является международное научное сообщество, и, в-третьих, выявление и осмысление эффектов, возникающие в процессе повышения наукоемкости политики. Один из них — заметное снижение уровня «выживаемости» академической демократии в условиях насаждаемой «коммерческой» и «приватизированной» демократии, которая характерна для эпохи рыночного фундаментализма. Последняя тенденция особенно ярко выявляется, когда мы учитываем российскую специфику «ускоренной демократизации» с установкой на «минимизацию государства в интересах модернизации» и на превращение научной среды и образовательной системы в сферу услуг...

Не останавливаясь на том, как возник сам концепт и как эволюционировали представления о гражданском обществе в научном и политическом дискурсах, в рамках заявленной тематики можно ограничиться наиболее продуктивной и распространенной в настоящее время концептуальной схемой, идущей от эпохи Просвещения и немецкой классической философии. Согласно этой схеме гражданское общество — не что иное, как своеобразное средостение между государством и человеком, выполняющее двуединую функцию — защиту гражданина и семьи от неповоротливой и бездуш-

РАСТОРГУЕВ В.Н. КОМПЕТЕНТНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ И КОМПЕТЕНТНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ВОЗМОЖНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

ной государственной машины, а также защиту самого государства от неуправляемых «социальных атомов».

Если государство способно, не заметив потери, стереть с лица земли (например, из-за господствующих идеологических императивов, институциональных «пустот» или ошибок стратегического управления) целые социальные и возрастные, этнокультурные или профессиональные группы, то и отдельный человек может вступить, подобно Давиду, в схватку с Голиафом — государственной машиной. Более того, он в ряде случаев может выйти победителем, хотя последствия таких побед или поражений для общества мало предсказуемы. Но шансы отдельного человека в таком противостоянии невелики. Именно по этой причине перед лицом общих угроз и (или) для защиты групповых, профессиональных и других корпоративных интересов отдельные «люди-атомы» по необходимости объединяются в самоуправляемые «ячейки», сообщества, добровольно отдавая, делегируя им часть своих прав и получая взамен качественно новый уровень гражданских свобод и социальных гарантий.

Влияние институтов гражданского общества и, прежде всего, его «продвинутых отрядов» (компетентное гражданское общество) столь значительно, что национальные государства принуждены реагировать и на изменение баланса сил с учетом того факта, что на фоне общей тенденции «повреждения национальных суверенитетов» и борьбы с традиционализмом заметно укоряется процесс становления «наднациональных сегментов» компетентного гражданского общества. Речь идет, к примеру, об армии «экологистов» и «антиглобалистов», о международном экспертном сообществе. Одновременно резко возрастает и роль искусственно созданных и чрезвычайно активных в политическом плане групп политического давления, созданных на почве коммерческих субкультур и, что особенно важно, «бывших меньшинств», которые в течение столетий считались и в христианском мире, и в исламских странах «неприкасаемыми». В настоящее время именно эти группы составляют авангард «антиклерикального похода», целью которого является демонтаж традиционного гражданского общества и, прежде всего, ослабление позиций религиозных (христианских) общин, что создает запредельные социальные и политические риски в ряде стран ЕС.

В этих условиях любое государство вынуждено постоянно совершенствовать систему правой регламентации функционирования институтов гражданского общества, выстраивая долгосрочные отношения, обеспечивающие разделение функций, а также инициировать новые формы «политического симбиоза». Диапазон поиска таких форм чрезвычайно широк — от экспериментов с внедрением так называемой прямой демократии и программами развития «электронного правительства» до введения тотального контроля за поведением и мотивацией каждого человека с опорой на «резерв» новых, нетрадиционных «ячеек» гражданского общества: третий сектор, НКО как агенты влияния, в том числе и внешнего, возникновение феномена «электронного гражданства» и т.д.

Особого внимания заслуживают масштабные проекты целенаправленной модификации гражданского общества в целом, а также сопутствующая модификация представлений о том, что можно, а что нельзя подводить под это понятие. Среди основных направлений такой деликатной работы, требующей от исполнителей высокого интеллектуального уровня и профессиональной подготовки, — производство и введение в научный оборот новых концептов и дефиниций гражданского общества. Один из наиболее эффективных методологических инструментов — включение все новых критериев, позволяющих по желанию ссужать или расширять круг народов и стран, а также целых исторических эпох, которые соответствуют этим критериям. В число таких критериев входит, к примеру, наличие определенных гражданских институтов и правовых норм, гарантированных политических и экономических свобод, а также статистически измеряемых характеристик. Подобные исследовательские процедуры и политтехнологии дополняют друг друга. Этот «тандем» науки и политики, с одной стороны, действительно вооружает исследователя (особенно в области сравнительной политологии) методами измерения «качества» гражданского общества, но, с другой стороны, именно такой подход используется в практике геополитического планирования. Одно из направлений геополитического планирования — целенаправленный процесс так называемой научной легитимации политики, о чем уже говорилось, или ее делигитимации, в зависимости от задачи. Возможность изменять и корректировать шкалу требований позволяет устанавливать или изменять границы «цивилизованного мира» (будь то режимы, «приближающиеся к демократическим образцам», или сами «образцовые модели») и определять рейтинги стран и режимов по шкале политической зрелости и, конечно, лояльности к тем, кто присвоил себе право вводить критерии и рейтинги.

В этих условиях резко возрастает роль независимой научной экспертизы и, соответственно, ответственность научного сообщества, которое не должно ограничивать свое участие в политической жизни исполнением экспертных функций. Исторический путь России подтверждает, что свобода научной мысли даже в условиях жесткой тоталитарной системы при отсутствии многих политических прав и свобод позволяла сохранять отдельные жизнеспособные элементы гражданского общества, наращивать качественный человеческий капитал и системный потенциал страны. И напротив, расширение политических свобод, разгосударствление и ускоренное приживление нетрадиционных институтов гражданского общества — все это само по себе не является и никогда не станет гарантом сохранения человеческого капитала и приращения национального потенциала, если недостает созидательной политической воли, ответственности перед Богом и обществом.

РАСТОРГУЕВ В.Н. КОМПЕТЕНТНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ И КОМПЕТЕНТНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ВОЗМОЖНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Свобода мысли и академическая демократия как основной инструмент защиты этой свободы с трудом уживаются с сильной политической властью, но никогда — с безвластием и властью анархии. Бесхребетные режимы, не способные преодолеть хаос, а также страны-аутсайдеры и государства, которые относятся к категории стран-клиентов и так называемых «несостоявшихся стран», не получивших либо утративших реальный суверенитет и возможность самостоятельного выбора, не могут позволить себе такую роскошь, как свобода интеллектуального выбора. Поражение разума, интеллектуальная и духовная несвобода — расплата за явную или скрытую слабость и неустойчивость институтов власти. И такой исход не зависит ни от того, в какие классификационные схемы мы пытаемся «упаковать» те или иные режимы, ни от того, как они сами себя определяют.

Академическая демократия лишена указанного порока современной политической демократии, несмотря на ее внешний «недемократизм». О таком «недемократизме» свидетельствует многое. Это и мнимая косность, и традиционализм, и неотзывчивость на «вызовы времени» или политические реформы, и пожизненно присуждаемые научные степени и звания, и обилие запутанных иерархических барьеров, «внутрисловных» градаций, правил и парадигм, и нагромождение условностей, от которых веет духом средневековья...

Особо значимым для нашего исследования представляется констатация того факта, что «демократическая» самоидентификация, которая тесно связана с позитивным отношением к развитию гражданского общества, имеет свои ярко выраженные особенности и в сфере политики, и во «внеполитическом пространстве», например, в академической среде. Впрочем, эти типы идентичности тесно связаны между собой исторически и функционально.

Историческая ретроспектива подтверждает, к примеру, предположение о том, что процесс секуляризации в значительной степени предопределил не только становление институтов либеральной демократии, но и появление феномена университетской автономии, во всяком случае, в тех его формах, которые сохранились без значительных изменений и прочно утвердились в правовом поле некоторых демократических стран. Отсюда не лишены основания выводы о том, что ни у политики, ни у науки «нет ничего святого».

На щите политики начертан лозунг «цель оправдывает средства» (в политологии это иногда называют тактичной — доминирующим императивным типом мышления, направленным не на то, чтобы «знать», а на то, чтобы «обладать»). А на щите науки иной — лозунг: «истина превыше всего», в том числе и призывов совести, абсолютного долженствования, веры. Человечество, вооруженное столь опасными инструментами (если Бога нет, то все дозволено) не уничтожило себя и нашло способы обуздать и властолюбие, и чрезмерную любознательность, вероятно, только по одной причине: если для политики и науки нет ничего святого, то люди остаются людьми, даже когда они одеты в мундиры политиков и ученых. Мир держится не столько благодаря логике политики и потенциалу науки, сколько вопреки всеразрушающей силе тотального преобразования, скрытого в недрах политического планирования и научного поиска. На защите жизни стоят люди, не отрекшиеся от веры, которым знакомы различия между «знаю», «хочу» и «должно», которым доступно подлинное понимание свободы: «Но кто вникнет в закон совершенный, [закон] свободы, и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действии» (Иак. 1:25).

Функциональная взаимообусловленность политической и академической демократии проявляется не только в их генезисе, но и в том, что академические свободы — это, как известно, один из гарантов сохранения демократических свобод (критицизм независимой научной мысли в какой-то степени препятствует ползучей узурпации власти). В то же время демократические институты, в свою очередь, вполне могут рассматриваться как гаранты нерушимости академических свобод, которые основательно «встроены» в политическую систему многих демократических государств.

Но теория и жизнь — не одно и то же. Хотя все рассуждения о взаимообусловленности и взаимном тяготении политической и академической демократии можно подтвердить обилием фактов, исторических иллюстраций и бесчисленными ссылками на самых известных философов и политологов, они остаются упрощенной и весьма идеализированной концептуальной схемой. Подобные схемы именно в силу их простоты и убедительности кочуют из теории в теорию, из эпохи в эпоху. Действительность же вносит в схемы такого рода более чем существенные коррективы.

Начнем с того, что некоторые демократические режимы мало чем отличаются от вотчин, отданных, как говорили в старые времена, на прокормление отдельным лицам, семьям или корпорациям. Эти режимы отличаются от «образцовых» в худшую сторону — и уровнем культуры властной элиты, и степенью самодурства властителей. Демократическое самодурство становится тем опаснее, чем прочнее «электоральная база» режимов, то есть чем эффективнее работают механизмы политической демократии, обеспечивающие не только связь избранных руководителей и народных масс, но и «выдавливание» из общественной жизни, из массового сознания и из наиболее влиятельных структур гражданского общества всяких сомнений вместе с их носителями.

Подобная ситуация в некотором смысле безысходнее и трагичнее, чем давление деспотизма. Когда люди живут в «недогосударствах», т.е. в странах с существенно урезанным суверенитетом, или в условиях «пожизненной оккупации», или под игмом тирании, будучи лишены реальных избирательных прав, то они, во-первых, не несут личной и коллектив-

РАСТОРГУЕВ В.Н. КОМПЕТЕНТНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ И КОМПЕТЕНТНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ВОЗМОЖНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

ной ответственности за выбор, сберегая отчасти тем самым свою душу и совесть. Во-вторых, у них сохраняется перспектива завоевания гражданских свобод, обеспечивающих право выбора. И, в-третьих, они вполне могут рассчитывать на деятельную поддержку своей борьбы со стороны «всех демократических сил планеты». В обществе победившей демократии граждане формально уже наделены всеми правами, но, как правило, принуждены выбирать меньшее зло, которое сразу после этого становится бóльшим, поскольку они выбирают зло...

При этом все те, кто обладает гражданской свободой, а иногда и пытается несвободных принудить к свободе, сами уже не могут рассчитывать на освобождение, ибо были свободны в выборе до выбора, а сделанный выбор — это уже не столько свобода, сколько ответственность. Таким образом, они берут на себя полноту ответственности и за собственное порабощение (имеются в виду, в частности, все формы отчуждения), и за насилие над инакомыслящими, спровоцированное открытой борьбой за «чужую волю» и скрытую защиту своих интересов. Воистину, «ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека» (Мк. 7:15).

По определению И. Берлина, концепция которого весьма далека от христианского сострадания, но вполне соответствует наиболее распространенному в современных демократических обществах либерально-антиклерикалистскому и функциональному (нормативному) пониманию свободы, человек свободен только в той мере, в какой никто — ни другой человек, ни группа — не препятствует его действиям. Таким образом, политическая свобода, по мысли Берлина, представляет собой всего лишь некую область, в рамках которой человек может действовать, не подвергаясь вмешательству со стороны. В соответствии с этой несколько циничной позицией любые утверждения о том, что, к примеру, бедность или обнищание населения в условиях демократии делает человека несвободным, лишены, по его мнению, всякой основательности, поскольку, если хромота кому-то не позволяет бегать, то это нельзя считать отсутствием свободы, тем более — политической. А подлинный источник угнетения — это «люди, препятствующие осуществлению наших желаний» [Berlin 1969, p. 134].

Академическая демократия, как уже отмечалось выше, при всем ее своеобразии и видимом «недемократизме» (косность и неотзывчивость на вызовы времени, пожизненно присуждаемые научные степени и звания, обилие запутанных иерархических барьеров, «внутрисловных» градаций, правил и парадигм, нагромождение условностей, от которых веет духом средневековья, и т.п.) лишена указанного порока современной политической демократии. Академическая демократия не склонна, прежде всего, к двойным стандартам — публично не афишируемому, но неизбежному условию соблюдения партийной дисциплины и чистоты политической линии. Не склонна, во всяком случае, в своем отношении к окружающей действительности как к объекту познания и предмету знания.

Особенность академической демократии заключена в том, что научное сообщество присягает на верность не народу, как это делают политики, а истине. А истину не выбирают (в политике не столько народ выбирает политиков, сколько политики выбирают свой народ, своих избирателей), ею не управляют, ее невозможно ни обмануть, ни обольстить. Это она, истина, управляет миром, назначая цену человеческим ошибкам и заблуждениям, и сама выбирает, кому открыться, а кому нет. Истина может исходить и от либералов, и от их противников, и даже от прямых врагов всякой демократии. И точно так же ложь вполне может быть инструментом как в руках тиранов, так и в руках не слишком щепетильных борцов за идеалы демократии (достаточно вспомнить о бесчисленных «обоснованиях» вторжения в Ирак). Академическая демократия, когда она строго соблюдается, кстати, во многом благодаря своим многочисленным недостаткам (прежде всего косности и консерватизму), свободна от служения политической конъюнктуре, идолам времени сего.

Академическая демократия вскормлена не духом вечного противостояния лагерей и фронтов, а вольным духом познания, попирающего авторитет вождей, незыблемость временных и пространственных границ, поскольку познанию доступны трансвременные связи и, в частности, метаисторические законы. Но если временные границы не сдерживают мысль, то что же говорить о государственных границах (в этом смысле научные знания — единственно последовательные «интернационалисты») или о еще менее ненадежных политических пристрастиях и государственных установлениях?

Почему же тогда академическая демократия, противопоставляющая себя любому внешнему господству и исторически возникшая именно из этого противопоставления, не вызывает ни паники, ни ощущения угрозы, ни даже чувства самозащиты у разумной власти? Почему только полуобразованные и маргинализированные радикалы, дорвавшись до власти, начинают самозащиту с «профессорских пароходов», составления списков запрещенных книг и аутодафе, с запретов на преподавание философии?

Ответ достаточно прост: сфера знания живет своей внутренней жизнью и, проникая в суть многих явлений, вовсе не стремится к их разрушению. При этом академическая демократия полагается не на популистские обещания политических прав и свобод (немедленно, всем и каждому и в полном объеме!), которые разбрасывают политики всех школ и течений, а на неизменные, сохранившиеся в течение столетий академические свободы и формы легитимации научного сообщества. Она обосновывает свои претензии на универсальность, основываясь не на военной мощи и не на силовом подавлении недостаточно свободных и демократичных соседей (когда они плохо вооружены), а на принципе культурной преемственности, уважения к иерархическому устройству мира знаний и мира тех, кто их хранит и производит, а также

РАСТОРГУЕВ В.Н. КОМПЕТЕНТНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ И КОМПЕТЕНТНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ВОЗМОЖНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

на верности корпоративным традициям.

Роль академической демократии в становлении демократии политической обусловлена тем самоочевидным обстоятельством, что последняя прививалась и прививается именно в стенах вузов и, прежде всего, университетов. Именно университеты всегда были, есть и будут в любом из сколько-нибудь развитых в культурном отношении государств и обществ носителями уникальной функции, которую можно назвать демократизацией духа и мышления. Эта скрытая функция обнаруживает себя не непосредственно, не во взаимоотношениях университета и государства (чем выше зависимость финансирования от политической ангажированности, тем слабее конструктивное влияние университетов), а через совершенствование культуры мысли, что служит подлинной и устойчивой демократизации гражданского общества. Остановимся на нескольких проявлениях этой функции.

Во-первых, академическая демократия — это единственная в своем роде надполитическая, надсословная, а в определенном смысле и трансисторическая территория духа в гражданском обществе, где осуществляется встреча поколений и цивилизационных миров, где стираются и лишаются смысла многие социальные, культурные и даже возрастные барьеры. Университеты можно по праву назвать высшей школой сотрудничества и социального партнерства, где лучшие представители национальной и мировой элиты (научной и культурной) считают своим общественным долгом и, что особенно важно, профессиональным призванием поиск молодых талантов. Эта установка для подавляющего большинства участников образовательного процесса, как правило, не зависит от того, кто является носителями талантов — дети бедняков или миллионеров, соотечественники или иностранцы, сторонники какого-нибудь политического культа или люди аполитичные, атеисты или верующие, единоверцы или инославные. Все эти качества, не говоря уже о национальных и расовых отличиях, если и учитываются, то в значительно меньшей степени, чем наличие таланта. Столь универсальная толерантность редко встречается в других пластах и стратах гражданского общества, но проникает в его высшие эшелоны из стен университетов, влияя на общее состояние политической культуры.

Во-вторых, академическая демократия является школой служения истине и призванию, если, конечно, призвание лежит в сфере научно-педагогической деятельности, а также школой профессионального становления, самоопределения, и социокультурной самоидентификации для студенческой молодежи. При этом университеты остаются местом службы для подавляющего большинства представителей научного сообщества, что качественно изменяет характер самого научного труда, стимулируя межпоколенческие связи и становление научных школ. Всему, чему нельзя научить, можно научиться, имея пред собой пример наставника.

В-третьих, университеты — это сфера сопряженного развития и непринужденного, обусловленного спецификой совместной деятельности диалога культур. Это относится, прежде всего, к национальным культурам, представители которых обитают в едином и напряженном глобальном информационном пространстве современной науки, которое возникло задолго до появления электронных информационных сетей. Они по необходимости участвуют в совместных научных проектах и, главное, говорят на одном языке — языке своей науки, чему, как известно, не препятствуют ни языковые, ни культурные различия. Тезис об интенсивном диалоге культур как одной из характеристик академической демократии относится и к субкультурам разного типа — как возрастным, так и профессиональным. И те, и другие являются одновременно и объектами междисциплинарных исследований, и, косвенно, их субъектами, поскольку самоидентичность наций в немалой степени строится на самоидентификации их представителей с великими именами своих мыслителей, с национальными достижениями отечественной науки и техники.

В-четвертых, университеты остаются основными центрами консолидации и воспроизводства национальной элиты — не только научной, но и культурной в самом широком понимании этого слова, а также, что не менее важно, политической элиты. Последнее с некоторыми, но существенными оговорками относится и к России. О каких оговорках идет речь? Вопрос деликатный, но требующий артикуляции. Само выражение «политическая элита» было не применимо по отношению к «слугам народа» эпохи построения бесклассового общества по принципиальным соображениям идеологического характера. Среди них — и неизменные политические установки на равенство по формуле «уравниловки», и неполнота политических функций власть предержащих (элита без «права ношения лица» и со строго ограниченными полномочиями), и очевидное несоответствие «руководящей прослойки» минимальному набору требований к национальным элитам. Среди немаловажных отличий доморощенной советской элиты, которые, судя по всему, передаются по наследству ее право- и нравопреемникам, можно, вероятно, назвать и генетический фактор — результат многолетнего искусственного отбора и «внутривидового скрещивания» в среде потомственной партноменклатуры. Тот факт, что приватизация в России была осуществлена именно этой стратой, предопределил и особенности нравопреемственности.

По этой же причине понятие «элита» почти не применимо к слою малокомпетентных лиц, которые в силу катаклизмов последнего времени всплыли на поверхность публичной политики. Слишком открыто они демонстрируют органичные для своего узкого круга качества — маргинальность и девиантность публичного поведения, тесные связи с криминалом как одним из акторов внутренней политики. Хотя эти качества, возможно, в какой-то степени присутствуют и даже про-

РАСТОРГУЕВ В.Н. КОМПЕТЕНТНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ И КОМПЕТЕНТНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ВОЗМОЖНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

грессируют и у определенной части современной мировой политической элиты (иначе трудно объяснить ее толерантное отношение к фактам хищнического и откровенно криминального вывоза ресурсов и капиталов из России), но они никогда не выставляются напоказ. Редкие представители зарождающейся национальной политической элиты России стремятся избегать даже намека на функциональную принадлежность к этой удушающей все живое «тонкой пленке» (ленинское выражение), покрывшей, как во время большевистской революции, российское общество и создающей заведомо ложное впечатление о современной России.

В-пятых, университеты — это хранители уникального опыта университетской автономии и самоуправления в выборе направлений исследований и образовательных стратегий на уровне факультетов. Эти и другие академические свободы могут сохраняться при любых режимах как островки демократии, поскольку они, согласно определению, данному И. Кантом в «Споре факультетов», совершенно безопасны для власти. Причина их «безвредности» заключается, по Канту, в том, что аудиторией настоящего ученого, если он не шарлатан, не может быть ни толпа, ни гражданское общество, а только узкая сфера людей, владеющих научными познаниями и принадлежащих к ученому сословию [Кант 1966]. Развивая эту мысль, отметим любопытную закономерность: политическая безопасность академической демократии для любой системы, в том числе и для демократических режимов, которые переносят критику в свой адрес ничуть не менее болезненно, чем тоталитарные режимы, объясняется, прежде всего, тем, что университеты являются государствами в государстве, так как обладают определенной независимостью, автономией. Парадокс в том и заключается, что, урезая академическую демократию в целях обеспечения собственной безопасности, власть достигает прямо противоположного результата, провоцируя студенческие волнения или, что намного хуже, воспроизводя социальную апатию в высших слоях общества и безразличие масс к политическим ценностям, в том числе и демократическим.

Да, в университетах открываются возможности и стимулы для конкуренции идей (теорий, школ, направлений), которые доминируют над конкуренцией людей. Последнее обстоятельство открывает природу академической автономии и преимущества узкой специализации, которая создает предпосылки для сотрудничества в сфере междисциплинарных контактов, информации и коммуникаций. Вместе с тем это прибежище свободы творчества и поле самореализации становится все уже в современном мире, а иногда и сводится на нет наличием или дефицитом финансирования, но в еще большей степени — самим фактом финансирования заказанных программ и проектов. Наверное, нет ни одного исследования по академической демократии, где демонстрация этой ее оборотной стороны не использовалась для описания границ демократии — и академической, и политической.

Как ни парадоксально, но реальную угрозу для академической демократии представляет сегодня не авторитаризм, а специфика современного производства и оборота знаний в современном демократическом обществе. И производство знаний, и образование, и инвестиционная политика в науку почти полностью подчинены получению прибыли. Впрочем, данная тема заслуживает специального анализа с учетом более широкого — геополитического — контекста. В этом случае мы смогли бы увидеть прямую связь кризиса академической демократии с экспансией неравноценного обмена природной и интеллектуальной ренты, которая разделила мир на демократический (сытый) лагерь держателей и собственников ноу-хау, которые диктуют странам-ресурсодержателям свои правила дележа природных богатств и свою цену на невозполнимые ресурсы. Вся эта губительная для будущих поколений и антиэкологическая по своей сути политика держится на отношении к демократии эпохи глобализма как к надежному способу приватизации всего, что может быть «растаможено», выведено или вывезено за любые границы — административные и правовые, родовые и общинные, национальные и государственные, конфессиональные и нравственные.

Негативные последствия для сохранения института академической демократии, исходящие от глобалистских «неодемократических проектов», отрицающих право ограничивать губительные тенденции, объясняется рядом причин. Назовем только три из них:

Во-первых, причина свертывания и «усыхания» академической демократии — ничем не ограниченное право ведущих стран мира и корпораций беспрепятственно «скупать мозги» и продукты научной деятельности, концентрировать в одних руках и в отдельных регионах мира научные идеи, превращая их в товар и пользуясь несовершенством авторского права, не учитывающего в должной степени фактора глобализации.

Во-вторых, к тем же результатам приводит и важная особенность академической демократии — с незапамятных времен культивируемая в среде ученых установка на их личное бескорыстие и на общедоступность результатов научного труда, отказ от личной заинтересованности. Именно неявное нарушение этой нормы учеными-прикладниками, например, в значительной мере объясняет ту критику, которой они подвергаются (обычно в деликатных формах) со стороны «чистых» ученых. В результате эта норма укрепляет чувствительность ученых к одобрению, исходящему от себе подобных, и тем самым эффективность внутреннего контроля и профессиональную автономию.

В-третьих, особыми рисками для будущего всего гражданского общества грозит интенсивно проводимая ныне делегитимация университетов и институтов высшего образования в интересах дальнейшей рационализации политики. Об этом

РАСТОРГУЕВ В.Н. КОМПЕТЕНТНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ И КОМПЕТЕНТНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ВОЗМОЖНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

лучше других писал Ж.-Ф.Лиотар в книге «Состояние постмодерна», где он пришел к выводу о том, что университеты утрачивают свою легитимность, поскольку открывается перспектива емкого рынка «операциональных компетенций», из чего следует подчинение университетов требованиям формирования компетенции, а не идеалов [Лиотар 1998].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кант И. Спор факультетов // Сочинения: В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 313–347.
2. Комлева Н.А. Политическая элита как комбатант сетевых войн // Пятый всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы». Тезисы докладов. Москва, 20–22 ноября 2009 г. М.: Российская ассоциация политической науки, 2009. С. 215–216.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. Рассудовский В.А. Свобода науки: права человека и демократия // Вестник Российской академии наук. 1992. Т. 62. №. 2. С. 3–5.
4. Расторгуев В.Н. Компетентное гражданское общество в контексте современной геополитики // Вестник славянских культур. 2008. Т. 9. С. 4–14.
5. Расторгуев В.Н. Свобода мысли и возможность выбора: политическая и академическая демократия // Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. 2005. №. 1. С. 58–79.
6. Расторгуев В.Н. Политическое планирование в условиях «водного голода» // Вестник МГИМО (Университета). 2011. № 1. С. 7–14.
7. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: ГУ ВШЭ, 1996.
8. Тимирязев К.А. Наука и демократия: Сб. статей, 1904–1919. М.: Госиздат, 1920.
9. Философия истории: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Панарина. М.: Гардарики, 1999.
10. Berlin I. *Two Concepts of Liberty*. London: Oxford Univ. Press, 1969.
11. Durkheim E. "Intellectual Elites and Democracy." *Sociological Inquiry* 42.2 (1972): 107.
12. Edel A. *The Struggle for Academic Democracy: Lessons from the 1938 'Revolution' in New York's City Colleges*. Philadelphia, PA: Temple University Press, 1990.
13. Englund T. "Higher Education, Democracy and Citizenship – the Democratic Potential of the University?." *Studies in Philosophy and Education* 21.4-5 (2002): 281-287.
14. Giroux H.A. "Neoliberalism, Corporate Culture, and the Promise of Higher Education: The University as a Democratic Public Sphere." *Harvard Educational Review* 72.4 (2002): 425-464.
15. Hollander E.L., Saltmarsh J. "The Engaged University Education for Democracy Can Renew the Academic Community." *Academe – Bulletin of the AAUP* 86.4 (2000): 29–32.
16. Ladwig, J. "Educational Intellectuals and Corporate Politics." *After Postmodernism: Education, Politics and Identity*. Eds. R. Smith, and P. Wexler London: Palmer, 1995.
17. Lynch R.G. "Pawns of the State or Priests of Democracy? Analyzing Professors' Academic Freedom Rights Within the State's Managerial Realm." *California Law Review* (2003): 1061–1108.
18. Ostrander S.A. "Democracy, Civic Participation, and the University: A Comparative Study of Civic Engagement on Five Campuses." *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly* 33.1 (2004): 74-93.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11–2011:

Расторгуев, В. Н. Компетентность в политике и компетентное гражданское общество, возможности академической демократии [Электронный ресурс] / В.Н. Расторгуев // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2014. — Т. 6. — Вып. 1: Гражданское общество и общество граждан: вопросы теории и практики. Тематический выпуск кафедры философии политики и права Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_e-ast6-1.2014.13.

РАСТОРГУЕВ В.Н. КОМПЕТЕНТНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ И КОМПЕТЕНТНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ВОЗМОЖНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

COMPETENCE IN POLITICS AND COMPETENT CIVIL SOCIETY, THE POSSIBILITIES OF ACADEMIC DEMOCRACY

Valery N. Rastorguev, D.Phil., Professor, Lomonosov Moscow State University, Philosophical Department, Chair of Philosophy of Politics and Law

E-mail: rv1812@yandex.ru

Feature of modernity are large expenses for scientific and analytical support for projects in the field of national and international policies. Also, we are seeing the increasing of the status of world's scientific and expert community as the most important link of the competent civil society and, at the same time, as an arbitrator in the resolution of political conflict. Transmutations of civil society into one of the leading actors of global politics cause an increased interest on the part of politicians and the traditional 'power centers' that are losing their monopoly on fateful decisions.

The subject of my research is processes of becoming and transformations of a global civil society in the globalization context. The article reveals the contradictions between the 'supranational' and the national institutes of civil society. My research is a socio-philosophical and conceptual-discursive comparative analysis of political and academic democracy. In particular, I show academic democracy, for all its originality and visible 'undemocratic' character (insusceptibility to the challenges of time, lifelong academic degrees and titles, an abundance of intricate hierarchical barriers, gradations, rules and conventions, etc. etc.), has greater freedom than modern political democracy. Academic democracy unlike political one is not inclined to double standards, and only this democracy is truly international.

In my article, I paid the special attention to the threats for academic democracy that comes from the neo-democratic political elite. I conclude there are three major threats to of academic democracy.

First, the reason for falling of academic democracy is unrestricted right of major countries and corporations to freely 'buy brains' and products of scientific activity, as well as right to concentrate scientific ideas in the same hands, in some regions of the world, turning these ideas into a commodity and using imperfection of copyright in which factors of globalization not been factored the in proper degree.

Secondly, psychological set on personal disinterestedness of scientist, on general accessibility of results of scientific work leads to the same result. This attitude is cultivated in the scientific community since time immemorial. So, implicit breach of this norm by applied scientists could explain the criticism that they are subjected (usually in delicate forms) from the 'pure' scholars. As a result, this norm strengthens the sensitivity of scientists to approval emanating from their own kind, and thereby enhances the effectiveness of internal control and professional autonomy.

Third, a special risk for the future of whole civil society is the delegitimization of universities and institutes of higher education, which is now carried out intensively in the interests of further policy rationalization. For this purpose universities would be subordinated to the requirements of the formation of competence rather than ideals (as in his time Lyotard pointed out).

Keywords: scientific and political competence, competency, analyst, expert, expertise, social technology, academic democracy, the boundaries of time and space.

References:

1. Berlin I. *Two Concepts of Liberty*. London: Oxford Univ. Press, 1969.
2. Durkheim E. "Intellectual Elites and Democracy." *Sociological Inquiry* 42.2 (1972): 107.
3. Edel A. *The Struggle for Academic Democracy: Lessons from the 1938 'Revolution' in New York's City Colleges*. Philadelphia, PA: Temple University Press, 1990.
4. Englund T. "Higher Education, Democracy and Citizenship – the Democratic Potential of the University?." *Studies in Philosophy and Education* 21.4-5 (2002): 281-287.
5. Giroux H.A. "Neoliberalism, Corporate Culture, and the Promise of Higher Education: The University as a Democratic Public Sphere." *Harvard Educational Review* 72.4 (2002): 425-464.
6. Hollander E.L., Saltmarsh J. "The Engaged University Education for Democracy Can Renew the Academic Community." *Academe – Bulletin of the AAUP* 86.4 (2000): 29–32.
7. Kant I. "The Conflict of the Faculties = Der Streit der Fakultäten." *Writings*. Moscow: Mysl Publisher, 1966, vol. 6, pp. 313–347. (In Russian).

РАСТОРГУЕВ В.Н. КОМПЕТЕНТНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ И КОМПЕТЕНТНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ВОЗМОЖНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

8. Komleva N.A. "The Political Elite as a Combatant of Network Warfare." *Proceedings of the Fifth All-Russian Congress of Political Scientists "Changes in Policy and Policy of Change: Strategies, Institutions, and Actors"*. Moscow: Russian Political Science Association Publisher, 2009, pp. 215–216. (In Russian).
9. Ladwig J. "Educational Intellectuals and Corporate Politics." *After Postmodernism: Education, Politics and Identity*. Eds. R. Smith and P. Wexler. London: Palmer, 1995.
10. Lynch R.G. "Pawns of the State or Priests of Democracy? Analyzing Professors' Academic Freedom Rights Within the State's Managerial Realm." *California Law Review* (2003): 1061–1108.
11. Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Moscow: Institute of Experimental Sociology Publisher, St. Petersburg.: Aletheia Publisher, 1998. (In Russian).
12. Ostrander S.A. "Democracy, Civic Participation, and the University: A Comparative Study of Civic Engagement on Five Campuses." *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly* 33.1 (2004): 74-93.
13. Panarin A.S. ed. *Course on Philosophy of History*. M.: Gardariki Publisher, 1999. (In Russian).
14. Rassudovsky V.A. "Freedom of Science: Human Rights and Democracy." *Herald of the Russian Academy of Sciences* 62.2 (1992): 3–5. (In Russian).
15. Rastorguev V.N. "Freedom of Thought and the Possibility of Choice: Political and Academic Democracy." *Herald of Moscow University. Series 12: Political Science* 1 (2005): 58–79. (In Russian).
16. Rastorguev V.N. "Competent Civil Society in the Context of Modern Geopolitics." *Journal of Slavic Cultures* 9 (2008): 4–14. (In Russian).
17. Rastorguev V.N. "Political Planning in Terms of 'Water Famine'." *Herald of Moscow State Institute of International Relations (University)* 1 (2011): 7–14. (In Russian).
18. Readings B. *The University in Ruins*. Moscow: State University – Higher School of Economics Publisher, 1996. (In Russian).
19. Timiryazev K.A. *Science and Democracy: Articles of 1904–1919*. Moscow: Gosizdat Publisher, 1920. (In Russian).

Cite MLA 7:

Rastorguev, V. N. "Competence in Politics and Competent Civil Society, the Possibilities of Academic Democracy." *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time. Civil Society and Society of Citizens: Issues of Theory and Practice. Thematic Issue of the Chair of Philosophy of Politics and Law, Philosophical Department of Lomonosov Moscow State University]* 6.1 (2014). Web. <2227-9490e-aprov_r_e-ast6-1.2014.13>. (In Russian).